Белоногов Юрий Геннадьевич

КОНФЛИКТНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИНКОРПОРАЦИИ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПРАВЯЩИЕ ГРУППЫ СУБРЕГИОНАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

В статье рассматриваются разнообразные конфликтные проявления процесса инкорпорации и реинкорпорации в субрегиональную номенклатуру демобилизованных военнослужащих в период позднего сталинизма. Причины эскалации внутриноменклатурных конфликтов усматриваются в использовании в управленческой практике элементов армейской субкультуры. Обращается внимание на взаимосвязь послевоенной реинкорпорации и усиления коррупционных явлений в правящих группах номенклатуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 36-40. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ALEKSEI MILITARY SCHOOL

Bashmakov Mikhail Borisovich
Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve
mikhailbashmakov@mail.ru

The article considers the activity, place and role of Aleksei Military School – the Russian infantry school – in officers training in the system of the specialized military education of the Russian Empire at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. The author pays special attention to the critical analysis of constructing the main building, auxiliary and technical buildings, the increase of adjacent territory, as well as the improvement of training and material resources and the everyday life of teachers and cadets.

Key words and phrases: the Russian Empire; Aleksei Military School; the Russian infantry school; cadet; Red Barracks; Lefortovo; War Ministry; military education.

УДК 353.3.08:355.515+005.334.2
Исторические науки и археология

В статье рассматриваются разнообразные конфликтные проявления процесса инкорпорации и реинкорпорации в субрегиональную номенклатуру демобилизованных военнослужащих в период позднего сталинизма. Причины эскалации внутриноменклатурных конфликтов усматриваются в использовании в управленческой практике элементов армейской субкультуры. Обращается внимание на взаимосвязь послевоенной реинкорпорации и усиления коррупционных явлений в правящих группах номенклатуры.

Ключевые слова и фразы: субрегиональная номенклатура; демобилизованные военнослужащие РККА; внутриэлитные конфликты; коррупция; номенклатурная инкорпорация; поздний сталинизм.

Белоногов Юрий Геннадьевич, к. полит. н.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
ugb78@mail.ru

КОНФЛИКТНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИНКОРПОРАЦИИ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПРАВЯЩИЕ ГРУППЫ СУБРЕГИОНАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ©

Ускорившийся в 1945-1946 гг. процесс демобилизации резко актуализировал проблему трудоустройства бывших военнослужащих. В соответствии с Законом о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии, утверждѐнным XII сессией Верховного Совета СССР 23 июня 1945 г., ее решение возлагалось на Советы Народных Комиссаров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты региональных и местных Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий, учреждений и организаций. Это предполагало предоставление демобилизованным работы (с учѐтом приобретенного опыта и армейской специальности, но не ниже должности до ухода в армию) в течение месячного срока со дня прибытия к месту жительства, обеспечение жилой площадью и топливом, оказание помощи в обзаведении хозяйством [2]. Принятое 10 июля 1945 года совместное постановление Исполкома Молотовского областного совета депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) «О мероприятиях по обеспечению приема, трудоустройства и культурно-бытового обслуживания демобилизованных воинов Красной Армии» конкретизировало положения Закона в отношении местных партийных, советских и хозяйственных органов.

В реальной практике пункт об обязанности властей трудоустроить бывших военнослужащих стал поводом для конфликта, ставшего следствием противоречия между вполне обоснованным желанием, прежде всего, офицеров материально обеспечить свою будущую «гражданскую» жизнь после тяжелых фронтовых будней, с одной стороны, и ограниченностью вакантных руководящих должностей, которые могли бы это позволить, с другой стороны. Архивные материалы позволяют констатировать и негласно присутствующее в массовом сознании чувство неоплатного долга «тыловиков» перед «фронтовиками». Так, в справке о работе отдела кадров Орджоникидзевского РК ВКП(б) за 1946 год приводился такой пример: «Малограмотного Батракова выдвинули в ноябре 1945 г. на должность райторготдела. С первых дней своей работы Батраков не справлялся, но председатель райисполкома Красильников продолжал держать его в течение года, мотивируя тем, что он участник Отечественной войны, имеет правительственные награды, как –пошлешь его на другую – низкую работу!?”. Райком мирился с этим» [4, д. 386, л. 230].

Немаловажно и то, что для значительной части военнослужащих (особенно из числа офицерского состава) служба в армии в период войны стала социальным лифтом, механизмом восходящей вертикальной мобильности, что не могло не учитываться при кадровых назначениях. В отчетах отделов кадров субрегиональных парткомов за 1946 год фигурируют фразы: «Многие демобилизованные воины, коммунисты, были направлены

© Белоногов Ю. Г., 2013

на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу»; «На руководящую работу в органы здравоохранения направлено много врачей, демобилизованных из Советской Армии» [5, д. 455, л. 19, 38].

Инкорпорация в субрегиональную номенклатуру военнослужащих, сделавших карьерный рост в РККА в период войны, нарушала сложившуюся в практике парторганов субординацию при кадровых назначениях. Это порождало определенные опасения у партийных функционеров, справится ли демобилизованный военнослужащий без опыта руководящей работы в данной отрасли с должностными обязанностями. На совещании секретарей местных парткомов по кадрам (21 марта 1946 года) секретарь Коми-Пермяцкого окружкома Киршев в своем выступлении отразил существовавшие в партаппарате настроения в отношении выдвижения на номенклатурные посты демобилизованных офицеров: «Некоторые считают, что если лейтенант, то его надо ставить на ответственную работу, хотя ранее он был рядовым работником. Не надо выдвигать лишь потому, что в армии он был лейтенант или капитан» [4, д. 350, л. 40-45].

Тяжесть урегулирования данных конфликтов легла на отделы кадров партийных комитетов. Необходимость скорого трудоустройства демобилизованных военнослужащих заставляла парткомы провоцировать нарушения уставных принципов организаций. Так, в отчете о работе отдела кадров обкома за 1946 год отмечался такой факт: «Ввиду большой текучести комсомольских кадров обком был вынужден кооптировать комсомольских работников. В течение года только первых секретарей кооптировано 10 человек. Имели место факты попирания прав комсомольцев и попытки навязать активу кандидатуру, рекомендуемую вышестоящим органом, хотя с ней комсомольцы и не соглашаются (Осинский район). Отрицательно сказалась на воспитании работников также существовавшая до осени 1946 г. практика заочного утверждения комсомольских кадров» [Там же, д. 348, л. 38 об., 71].

В этом случае вина за кадровую ошибку возлагалась на отделы кадров парткомов, которые обращают «главное внимание на количественную сторону дела – лишь бы быстрее заполнить вакантные должности». Обратим внимание на то, что подобные назначения оборачивались быстрым снятием с номенклатурной должности демобилизованного военнослужащего. В отчете отдела кадров Кировского РК ВКП(б) за 1946 год при разъяснении причин высокой сменяемости работников партийного аппарата приводился такой пример: «Осенью 1945 г. в отсутствии секретаря по кадрам был принят на должность инструктора отдела кадров Фролов, демобилизованный из РККА. Он совершенно не подготовлен к партийной работе, опыта партийной работы не имел, политический и образовательный уровень низок. Фролов проработал в аппарате 4 месяца» [5, д. 457, л. 7]. В докладе секретаря по кадрам Молотовского обкома ВКП(б) на городском партактиве (21 мая 1947 года) проблема высокой экскорпорации из субрегиональной номенклатуры демобилизованных военнослужащих получила следующую официальную формулировку: «Отделы кадров горкома и райкомов очень часто допускали поспешные и непродуманные выдвижения, без тщательного предварительного изучения деловых и политических качеств работников, в результате чего на руководящую работу нередко попадали слабые, малограмотные и неопытные работники, а порой случайные люди и проходимцы» [Там же, д. 223, л. 11-13].

Демобилизованные и гражданские руководители: конфликт двух управленческих субкультур. Демобилизованные военнослужащие на номенклатурных должностях демонстрировали подчас особый, «военный», стиль работы, что вызывало многочисленные жалобы на имя руководства обкома ВКП(б). Так, в заключении комиссии обкома по фактам проверки жалоб на заведующего районным финансовым отделом Уинского РИК (1948 г.) фиксировались попытки установить военный порядок и дисциплину в местном райфо: «Максимов, не имея на то никаких прав и оснований,… приказывал и даже выводил строем своих работников утром на физзарядку, приходившие к нему посетители обязаны были стоять по команде –смирно”. Райком и райисполком не нашли в себе мужества, чтобы сразу осудить это неслыханное извращение и советского законодательства, и правовых норм работника советского аппарата и довольствуются тем, что в районе более или менее удовлетворительно идет со сбором средств. Между тем сбор средств проходит в районе не в порядке массовой работы с гражданами, а преимущественно в административном порядке: штраф – суд, опись имущества у колхозников» [6, д. 196, л. 51-52].

Привнесение военных методов в управленческие практики не находило понимания у «гражданских» руководителей. Интерес представляет характеристика секретаря Чернушинского РК ВКП(б) по кадрам Некрасовой от 13.12.1946 г. на председателя одноименного райисполкома старшего лейтенанта запаса А. Ф. Пермякова, работавшего в должности с марта 1946 г.: «В своей практической работе проявляет признаки военщины, т.е. —я приказал, стало быть все”. –Я” у него превалирует как в частном разговоре, так и на заседаниях райсовета и райкома. Имеются случаи нарушения коллегиальности в разрешении вопросов – стремится разрешить единолично. Много имеется апломба и зазнайства, за что Пермякова райпартактив недолюбливает. Характеристика согласована с членами бюро райкома». Правда, отмечались в характеристике и положительные черты: «Руководит оперативно, в вопросах советского строительства разбирается хорошо, быстро реагирует на жалобы. Председателем РИК работать может» [11, д. 2268, л. 11].

В отношении первого секретаря Очерского РК ВКП(б), майора запаса Н. Т. Косых характеристика-объективка содержала следующий пассаж: «Серьезным недостатком в работе Косых является его опека над деятельностью исполкома райсовета. Многие вопросы компетенции РИК Косых берет лично на себя или ставит их на обсуждение РК. Пренебрегает коллегиальностью в руководстве, много важных, насущных для района вопросов решает самостоятельно, не обсуждая их на бюро РК или пленуме. Не чуткий к работникам аппарата. Часто допускает грубость; критику, направленную в его адрес, воспринимает неправильно, считает себя опытным партийным работником, знающим все и не нуждающимся в советах» [9, д. 1611, л. 12].

Примечательно, что «за зазнайство и грубость» Н. Т. Косых в 1946 г. приглашался в обком для «профилактической беседы» с секретарем обкома (такой метод воспитания часто практиковался при первом секретаре Молотовского обкома ВКП(б) К. М. Хмелевском) [4, д. 348, л. 38 об. – 71].

Вероятно, основой конфликта между демобилизованными и «гражданскими» стала разнородность ценностей двух субкультур. Открытое культивирование приобретенных в период войны армейских привычек сочеталось с пренебрежительным отношением к «тыловикам». В отношении председателя Молотовского горисполкома И. П. Ахлюстина, снятого с должности с формулировкой «скомпрометировавший себя», в специальной справке отмечалось: «Роль аппаратных совещаний в ГИК принижена, созывались они редко и были больше похожи на накачку и очередную ругань, вплоть до оскорбления работников. Нередко свои нравоучения работникам Ахлюстин читал в нетрезвом виде. В адрес работников горисполкома на аппаратном совещании выразил недовольство их работой и заявил: –Если вы умрете, вам трудящиеся спасибо скажут!”» [5, д. 222, л. 50, д. 223, л. 123, 140].

Архивные материалы косвенно подтверждают факт наличия противоречий между руководителями, вынужденными работать в одной управленческой команде, на почве пребывания на фронте или в тылу в период войны. Интерес представляет конфликт между первым секретарем Березовского РК ВКП(б) А. В. Дроздовым, проработавшим весь период войны на руководящей партийной работе, и председателем исполкома районного Совета демобилизованного И. С. Демьяненко, которые почти два года были вынуждены совместно работать. Конфликт не был исчерпан даже после ухода Демьяненко в 1948 г. на двухгодичную учебу в областную партийную школу. В своих докладных записках в обком первый обвинял второго в недостойном поведении и «разложении» работников, второй жаловался на «притеснения фронтовикам» со стороны партийного руководства. Бригада обкома, разбиравшая данные докладные записки, констатировала, что «между ними личная неприязнь, но нет принципиальных разногласий по поводу работы. Много нездорового в их взаимоотношения внесла жена Дроздова, Решина, работающая секретарем РИК (информировала мужа о всяких мелочах)» [8, д. 242, л. 149]. В итоге конфликт был урегулирован обкомом за счет перевода А. В. Дроздова на аналогичную должность в другой район, а на его место был назначен фронтовик И. Н. Лумпов. При этом за четыре дня до отчетно-выборной конференции И. С. Демьяненко по своим неофициальным каналам сообщил знакомым по бывшей работе об уходе А. В. Дроздова и планам обкома насчет нового состава секретарей Березовского райкома.

В Карагайском районе в 1949 г. подобный конфликт дошел до написания анонимного письма в областную газету «Звезда», в котором председатель местного райисполкома (демобилизованный в 1946 г. в звании майора) Мойкин обвинялся в сексуальных домогательствах к молодым работницам аппарата райисполкома. Бригада обкома, разбиравшая данное дело, доказала факт таких проступков, но расценила их как сбор компрометирующего материала на Мойкина со стороны его непосредственных подчиненных (заведующие отделами – инициаторы анонимки – характеризовались следующими эпитетами: «пьяница, потерявший совесть, обыватель и эгоист, не терпит никакой критики»; «пьяница, ранее работавший на более ответственных постах и недовольный своим положением»), когда тот обнаружил крупные недостатки в деятельности данных отделов. «На посту председателя РИК Мойкин с заведующими отделами советуется редко, работы с ними проводит мало, необходимого направления не дает, иногда допускает грубость, – фиксировались в справке из личного дела внешние проявления конфликта. – Те, в свою очередь, к председателю РИК относятся недоброжелательно, сами к нему почти… не заходят и нередко игнорируют его указания» [9, д. 2183, л. 22]. В итоге с формулировкой «…дело знает, работать вполне может, руководить районом способен и сумеет» И. П. Мойкин сохранил пост председателя райисполкома, но был вызван в обком и строго предупрежден, что при повторении подобных фактов будет строго наказан вплоть до снятия с работы [7, д. 222, л. 1-3, 46-47]. Правда, через несколько месяцев Молотовский обком по согласию с ЦК ВКП(б) смог отправить И. П. Мойкина «на повышение» (на должность первого секретаря местного парткома в Тюменскую область).

Реинкорпорация бывших номенклатурных работников. Именно данная категория работников оказалась наиболее проблемной для регионального руководства. Расчеты на то, что работники, мобилизованные в период войны в ряды РККА с номенклатурных должностей, успешно адаптируются в «старом новом» качестве, оказались иллюзиями. Первый секретарь Молотовского обкома ВКП(б) К. М. Хмелевский, вынужденный перед ЦК ВКП(б) объясняться по поводу быстрого и почти одновременного (на протяжении только 1946 г.) снятия с должности четырех председателей молотовских гор(рай)исполкомов из числа демобилизованных офицеров, признавая допущенные ошибки, отметил: «Это произошло по той причине, что руководствовались внешними признаками» [5, д. 223, л. 190].

Пребывание в составе воюющей армии, знакомство с неофициальными армейскими традициями, усвоение чрезвычайных практик решения любых проблем – все это не могло не повлиять на некоторое изменение системы ценностей ряда работников. Данная трансформация внешне оказалась замечена и в тылу: «В связи с приходом людей из армии у некоторых создалось мнение, что сейчас с кадрами работать не надо, люди пришли из армии с опытом, да и до войны они работали на руководящих должностях, зачем с ними работать!? – отмечалось на одном из совещаний секретарей по кадрам местных парткомов. – Такое мнение неправильное» [4, д. 350, л. 40-45].

Возвращавшиеся на высокие номенклатурные посты работники иногда явно демонстрировали «непартийное поведение». Внешне это первоначально выражалось в злоупотреблении спиртными напитками: при выполнении своих должностных обязанностей они нередко появлялись в нетрезвом виде (примеры см.: [9, д. 133, л. 33; 12, д. 2067, л. 7]). Такое очевидное пренебрежение нормами общественной морали не

могло не дискредитировать представителей власти. Региональное партийное руководство весьма терпеливо относилось к таким слабостям: нарушителей первоначально вызывали в обком на беседы, потом при необходимости делались полуофициальные предупреждения со стороны вышестоящих партийных инстанций, только после этого ставились вопросы на бюро парткома о «непартийном поведении» с объявлением выговоров. Только вкупе с другими прегрешениями такой работник снимался с должности.

Так, в августе 1946 г. трое председателей исполкомов субрегиональных исполкомов, ушедших на фронт в 1941 г. и демобилизованных в 1945-1946 гг., были сняты с занимаемых должностей, при этом «пьянство» рассматривалось как отягчающее обстоятельство. В отношении председателя Молотовского горисполкома в черновом варианте протокола бюро обкома от 13-14 августа 1946 г. отмечалось: «За период работы председателем горисполкома проявил себя с отрицательной стороны. Вместо улучшения работы… занялся пьянством и злоупотреблением своим служебным положением. Обком неоднократно предупреждал о непартийном поведении, но он выводов не сделал. В результате обком был вынужден освободить от работы… за неоднократное появление в общественных местах в нетрезвом виде» [4, д. 67, л. 13]. На том же заседании при обсуждении вопроса «О ходе выполнения плана заготовок молока в Чердынском районе» бюро обкома посчитало, что председатель райисполкома «вместо решительной борьбы за выполнение государственного плана мясомолочных заготовок занялся пьянством и развратом». Это стоило демобилизованному гвардии майору получение выговора «за пьянство» и лишение должности [Там же, л. 26-32]. Такая же практика была характерна и для руководящих партийных работников. Так, 20.12.1949 г. первый секретарь Косинского райкома ВКП(б), выдвинутый в 1946 г. с поста заведующего военным отделом Коми-Пермяцкого окружкома, был снят с занимаемой должности с формулировкой «за непартийные поступки, пьянство и хулиганство» [9, д. 527, л. 23].

Формулировка «непартийное поведение» в отношении демобилизованных военнослужащих подспудно отражала еще одну проблему реинкорпорации – желание офицеров запаса материально обеспечить себе «гражданскую» жизнь усвоенными в период войны методами вкупе с представлениями о заслуженности для себя этой практики после ужасов войны. В этой связи интерес представляет разбор персонального дела председателя Кунгурского райисполкома А. С. Южакова (на фронт был мобилизован в 1941 г. с должности председателя городского комитета ВЛКСМ по делам физкультуры и спорта, на двух войнах дослужился до звания полковника, имел 6 боевых орденов, 5 медалей и 4 личные благодарности от Верховного Главнокомандующего). Проработав в должности около года, в сентябре 1948 г. был снят с работы со строгим выговором с предупреждением и занесением в учетную карточку за недостойное поведение в быту и денежные поборы, которые выражались в безвозвратном взятии денег у местных организаций и граждан города на личные нужды, покупке дорогой мебели для полученной квартиры за счет средств райисполкома, продаже машины райисполкома сторонней организации за 10000 рублей и присвоение себе четверти суммы в качестве премиальных. «Южаков долгое время служил в армии, занимал высокий пост и привык к армейским условиям жизни и режиму, – отмечалось в подготовленной справке для бюро обкома. – После демобилизации он оказался не в состоянии быстро перестроить свою личную жизнь в гражданских условиях» [10, д. 2939, л. 21-24]. Обратим внимание на важное обстоятельство: решающую роль в использовании обкомом таких жестких санкций сыграло то, что факты поборничества стали известны широкой общественности района (на фоне послевоенного низкого материального уровня жизни большинства населения подобные случаи вызывали глухое раздражение масс), а также позиция первого секретаря Кунгурского РК ВКП(б) Кайгородова (всю войну проработавшего в тылу на руководящей партийной работе), с чьей докладной записки в обком и началось разбирательство.

Хищнические устремления, проявлявшиеся в виде злоупотребления должностными полномочиями, ряда номенклатурных работников из числа демобилизованных военнослужащих были опасны и потому, что ставили партийных и советских руководящих работников в зависимость от хозяйственников. А это приводило, соответственно, к изменению соотношения властных ресурсов различных звеньев бюрократического аппарата и невозможности партийных органов оказывать решающее влияние на выработку политического курса на субрегиональном уровне. На совещании секретарей первичных парторганизаций (02.08.1946 г.) представитель Молотовского обкома ВКП(б) конкретизировал для данной аудитории спущенную сверху установку о недопустимости подмены хозяйственных руководителей: «Это не могло не привести к сращиванию некоторой части партийных работников с хозяйственниками, а, следовательно, к притуплению их как политических руководителей. Сначала это сращивание носило почти безобидный характер – форму всесторонней поддержки администрации и небольшого послабления требовательности к ней в отношении государственной дисциплины. Но вскоре это переросло в более опасную форму полного контакта партработников с администраторами со всеми вытекающими отсюда крайностями и пороками» [4, д. 185, л. 39-40, 50].

Под «крайностями и пороками» в современной науке понимается формирование сплоченных клиентелистских групп, которые стали основным субъектом коррупционных процессов в изучаемый период. Механизм формирования и деятельности такой группы можно продемонстрировать на примере «непартийного поведения» первого секретаря Гайнского РК ВКП(б) А. Д. Сивкова, ушедшего в РККА с должности заведующего отделом субрегионального парткома и демобилизованного с должности командира танковой роты. Используя служебное положение, «…Сивков в течение работы в районе систематически побирался в хозяйственных и торговых организациях для своего личного хозяйства» (бесплатно получал сено для коровы, дрова для квартиры, полушубок, а также принимал наличные деньги переводом от хозяйственных организаций). Часть из взятых лично для себя средств покрывал за счет средств райкома. «Сивков систематически участвовал в пьянках, устраиваемых за счет государственных средств хозяйственными руководителями. На почве пьянства сросся

с классово-чуждыми и политически ненадежными личностями, – отмечалось в справке. – Сросшись с хозяйственниками, Сивков всячески защищал некоторых из них от ответственности за антигосударственные дела. Это породило в районе обстановку благодушия, панибратства, угодничества, беспечности и взаимного покровительства. Культивировал зажим критики и самокритики: при редактировании протоколов заседаний бюро райкома вычеркивал все критическое, направленное против престижа себя и приближенных». Видимо, персональный состав бюро райкома формировался не без коррупционной составляющей: «Личный друг и собутыльник Якушев (*начальник В. Камской сплавной конторы – Ю. Б.*) на вопрос в районном отделе МГБ, почему его кандидатуру на этот раз не выдвинули в состав бюро райкома,… не без основания ответил: видимо, я мало даю Сивкову, Киршин (*директор Гайнского леспромхоза – Ю. Б.*) побогаче, поэтому его и избрали» [8, д. 242, л. 33-35, 48]. В декабре 1949 г. в рамках санкционированной верховной властью очередной репрессивной кампании по борьбе с коррупцией А. Д. Сивков на бюро окружкома был снят с работы с получением строгого выговора с предупреждением с занесением в учетную карточку, хотя проводивший проверку инструктор обкома, недовольный «излишним либерализмом», предлагал его исключить из партии.

Региональные исследования показывают, что в послевоенный период коррупция (в виде «самоснабжения», злоупотреблений служебным положением) на уровне местной партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры приобрела очень распространенный и системный характер [1; 3]. По нашему мнению, это явление следует объяснять не только низким материальным уровнем жизни большинства населения и части номенклатурных работников, возросшими злоупотреблениями начальства при распределении ограниченных в период войны ресурсов, но и определенным изменением сознания возвращавшихся после демобилизации номенклатурных работников. Знакомство с европейской жизнью, а также часто наблюдавшиеся в период войны факты решения военными своих материальных проблем за счет гражданского населения (особенно на территории поверженной фашистской Германии) в сочетании с пониманием исключительности своих военных заслуг (перед работниками тыла) для занятия статусных руководящих должностей, желание материально обеспечить жизнь после фронтовых будней – все это не могло не стать катализатором коррупционных процессов в субрегиональной номенклатуре в послевоенный период.

Список литературы

1. **Говоров И. В.** Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 66-81.
2. **Закон о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии** [Электронный ресурс]: утверждѐн XII сессией Верховного Совета СССР 23.06.1945. URL: http://bdsa.ru/index (дата обращения: 17.02.2013).
3. **Кимерлинг А. С.** Особенности провинциальной советской коррупции в 1946-1953 годах на материале Молотовской области // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 3. С. 101-108.
4. **Пермский государственный архив новейшей истории** (ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 12.
5. **ПермГАНИ.** Ф. 105. Оп. 13.
6. **ПермГАНИ.** Ф. 105. Оп. 14.
7. **ПермГАНИ.** Ф. 105. Оп. 15.
8. **ПермГАНИ.** Ф. 105. Оп. 16.
9. **ПермГАНИ.** Ф. 105. Оп. 220.
10. **ПермГАНИ.** Ф. 105. Оп. 243.
11. **ПермГАНИ.** Ф. 105. Оп. 262.
12. **ПермГАНИ.** Ф. 106. Оп. 14.

CONFLICT ASPECTS OF DEMOBILIZED MILITARY MEN"S POSTWAR INCORPORATION IN RULING GROUPS OF SUBREGIONAL HIGH-RANKING FUNCTIONARIES

Belonogov Yurii Gennad'evich, Ph. D. in Political Sciences
Perm National Research Polytechnic University
ugb78@mail.ru

The article considers various conflict manifestations of the process of demobilized military men's incorporation and reincorporation into subregional high-ranking functionaries ranks during late Stalinism period. The reasons of conflicts escalation among high-ranking functionaries are seen in the use of military subculture elements in management practice. Attention is paid to the correlation between the postwar reincorporation and corruptive phenomena strengthening in the ruling groups of high-ranking functionaries.

Key words and phrases: subregional high-ranking functionaries; demobilized military men of the Workers and Peasants' Red Army; intra-elite conflicts; corruption; incorporation into high-ranking functionaries ranks; late Stalinism.